

Ферапонт, Можайский и Лужецкий чудотворец

Святой преподобный Ферапонт родился в 1337 году. При святом крещении наименован Феодором в честь Феодора Начертанного, празднуемого 27 декабря. Родители преподобного Ферапонта были благочестивые христиане из боярских детей города Волоколамска, фамилии Поскочиных. Живя в доме родительском, он с юных лет страшился того, чтобы не увлечься суетами житейскими и чтобы, ежедневно остывая в любви к Богу, не сделаться повинным муке вечной. Хотя «и нехитр был грамоте», но имел доброе сердце и «здравый ум» и потому с каждым годом жизни своей он становился строже для себя, снисходительнее и попечительнее к ближним и все более и более утверждал себя в жизни добродетельной.

Это привлекало к нему любовь и уважение от сродников и знакомых. Но он считал опасным для чистоты душевной оставаться среди обычных своих занятий и среди своих родных, а находил нужным потрудиться в иноческом образе и пламенно желал достигнуть сего образа. Желание это в нем усиливалось с возрастом его и наконец, при Божиим содействии,

исполнилось. Пользуясь обстоятельствами, удобными к исполнению сего пламенного своего желания, преподобный, имея около 40 лет от роду (в 1370 – 1378 годах), тайно от родных своих пришел в новоустроенный тогда в Москве Симонов монастырь и молил архимандрита с братией сподобить его святого иноческого образа.

Господь наш Иисус Христос, приемлющий к Себе кающихся, и Пречистая Богородица положили в сердце настоятелю монастыря святому Феодору такое расположение принять преподобного Ферапонта в монастырь, что даже и без предварительных испытаний был он немедленно пострижен в иночество и дано ему имя Ферапонт вместо имени Феодор.

Преподобный Ферапонт после пострижения своего вручен был благоговейному старцу и, при помощи Божией, проводил жизнь в великом послушании сему старцу, усердно упражняясь в молитвах, и коленопреклонениях, и посте; бдительно охранял все свои чувства от пристрастия и влечения к предметам и разговорам суетным; чистосердечно открывал свои ошибки и помыслы своему руководителю и тем сохранял себя в чистоте душевной и телесной. Часто, припадая к стопам старца и

всей братии, слезно просил их молить за него Бога и Пречистую Богородицу о подкреплении и спасении его. Он неопустительно бывал и в храме на церковном пении, и всюду в монастырских работах.

В благочестивом образе жизни преподобному Ферапонту, кроме советов его старца, весьма много споспешествовали советы и труды друга его, преподобного Кирилла, а особенно советы и благословения преподобного Сергия Радонежского, который, нередко бывая в Симонове, большую часть времени сего своего посещения проводил с преподобным Кириллом и другом его, преподобным Ферапонтом (по 1391 год).

Старец – руководитель преподобного Ферапонта – и вся братия монастыря, видя такое благое настроение души преподобного, благодарили Бога и молились о совершенном укреплении его в святости и чистоте и с уверенностью возлагали на него разные поручения по монастырским делам даже и вне монастыря, в города и отдаленные места. Все сии поручения он исполнял с точностью и смирением и в таком духе служил святой обители много лет. В одно из таких путешествий

к Белому озеру, исполнив поручения монастырские, преподобный

Ферапонт решился подробнее осмотреть ту малоизвестную в то время сторону. Обходя огромные пространства Белозерские, наполненные густыми лесами, непроходимыми болотами, множеством рек и озер, преподобный весьма полюбил их, и особенно потому, что в них показались ему многие места, удобные для уединения и безмолвной иноческой жизни. В нем тогда же возродилось сильное желание совершенного безмолвия, тем более что друг его и спостник, преподобный Кирилл, в то время из любви к безмолвию уже оставил настоятельство над Симоновым монастырем (в 1396 году), поселился в тихой келье на старом Симонове и жаждал еще большего уединения и безмолвия.

Такое святое желание сих угодников Божиих [было] благословлено свыше. В то время как преподобный Ферапонт лично осматривал Белозерскую сторону, преподобный Кирилл получил благодатное откровение и указание места для будущего его поселения в той же стране. Это было так. Однажды в поздний час ночи, по обычаю своему, преподобный Кирилл в келье пел акафист пред иконой Божией Матери. Едва пропел слова акафиста: «Странное

Рождество видевши, устранимся мира, ум на небеса преложше», вдруг слышит глас Богоматери: «Кирилле! Изыди отсюда и иди на Белоозеро, там Я уготовала тебе место, на котором можешь спастись». И тотчас вне кельи видит свет, и, отворив окно, видит местность, находящуюся на полуночной стороне Белого озера, и слышит голос, объясняющий и как бы перстом указующий то место, где должен быть устроен Кириллом монастырь. Такое чудное явление исполнило радостью сердце Кирилла, и он с нетерпением ждал возвращения преподобного Ферапонта из путешествия его в область Белозерскую.

По возвращении в Симонов, преподобный Ферапонт с любовью рассказывал другу своему преподобному Кириллу, а сей с радостью выпытывал от него о пустынях Белозерских, и вскоре, по устроению Божию, они оставили Симоновскую обитель и отправились в страну Белозерскую. Это случилось в 1397 году, когда обоим сим подвижникам было по 60 лет от роду.

После продолжительных поисков по Белозерской стране наконец пришли они на место, указанное преподобному Кириллу в видении, и Кирилл, узрев его, воскликнул с радостью: «Се, покой мой во век века, здесь

вселюся! Потому что место сие возлюблено Пречистою. Благословен Господь Бог от ныне и до века, ибо Он услышал наше моление».

Тотчас же рассказал другу своему об откровении и видении, каких он удостоился еще в уединенной Старо-Симоновской келье, и оба, исполнившись неизреченной радости и духовного веселья, немедленно водрузили знамение креста на сем месте и воспели благодарственный канон Господу и похвалу (акафист) Пречистой Богородице. После того ископали в земле небольшую келью и жили вместе, совершая совокупно и молитвословия и труды.

Но не навсегда суждено им было жить так. Спустя немного времени преподобный Ферапонт говорит преподобному Кириллу: «Отче! Часто стало приходиться ко мне и сильно тревожить меня желание отойти на особое место и безмолвствовать отдельно. Есть отсюда верстах в 15 или немного поболее место, желательное мне, если Господь благословит поселиться там. Именем Божиим умоляю честную святость твою, отче! Не оскорбись моими словами о такой разлуке». На это преподобный Кирилл отвечал ему: «Воля Божия, брате, да будет в сем деле, и если Богу угодно такое желание, то Он дарует

возможность исполнить его». Тогда преподобный Ферапонт, видя согласие преподобного Кирилла, просил отпустить его с любовью, молить о нем Бога и Пречистую Богородицу и не оставлять своими советами в затруднениях и, приняв благословение у Кирилла, разлучился с ним.

Он прямо отправился на новое место, прежде понравившееся ему. Это место между двумя озерами, из которых одно зовется Паское, а другое – Бородавское. Все расстояние между ними немного более как на «полет стрелы», и все оно густо заросло лесом и кустарником. Освятив место сие молитвою, преподобный Ферапонт поставил малую келейку. И хотя местность сия была весьма пустынна и дика, но для преподобного показалась красивее и любезнее всех селений, и он весьма радовался душою и благодарил Бога и Пречистую Матерь за дарование ему такого отрадного покоя. Это было в 1398 году.

Вскоре после того ходил посетить своего друга, преподобного Кирилла, и поведал ему радость свою. Получив же от него наставление и благословение, преподобный Ферапонт занялся полным устройством своего жилища: очистил вокруг него поросль, огородил его, с великим усилием вскопал несколько земли и посадил себе

овощей для пропитания. Среди сих занятий преподобный вел жизнь, равную древним пустынножителям. Дни проводил в утомительных трудах для устройства своего помещения и для приготовления пищи и тем прогонял от себя уныние и худые помыслы; ночи же проводил в безусыпном бдении, прогоняя сон священными песнопениями и молитвой. В первое время поселения своего много претерпел он не только от скудости и одиночества, но и от разных неприятных обстоятельств, постигших его по Божию попущению. Так хищные звери и птицы днем, а более всего по ночам наводили на него много страха, но он молитвой и именем Божиим прогонял от себя всякую мысль о страхе. Много раз разбойники, грабившие на близлежащей дороге, подступали к преподобному, требуя от него имения и денег или по крайней мере удаления его оттуда. «Уходи отсюда, – говорили они ему, – уходи отсюда, пока мы тебя не предали смерти. Не хотим, чтобы ты жил здесь с нами, имущество же свое отдай нам, иначе не оставим тебя живым». Блаженный же, призывая Бога и Пречистую Богородицу, презирал все угрозы их и делал бессильными все покушения их против него, так что наконец и они убедились в полной нестяжательности и нищете преподобного и

оставили его в покое, быв посрамлены в своих надеждах на добычу от него и стыдясь срамных речей и поступков против святого.

Господь, видя великое терпение угодника Своего и то, что он все труды, лишения и напасти переносит ради Его святого имени, благословил его не только благорастворением воздуха и плодородием, но и тем, что к нему стали скоро стекаться ревнители пустынного и труженнического жития. Прибытие новых лиц к преподобному служило поводом ему к новым усиленным трудам: устраивать кельи, расчищать землю для овощей и хлеба. Но главнейшей и первой заботой его тогда было, чего настоятельно желали и новые братия, устроить храм Божий. Он, получив благословение от святителя, устроил храм во имя Пречистой Владычицы Богородицы, в честь Ее преславного Рождества и по возможности украсил его святыми иконами и церковными книгами. Когда же к нему пришел новый брат, имеющий степень священника, то преподобный принял его с величайшей радостью, как особенную милость Божию к новой обители иноков, явленную в том, что в новоустроенном ими храме могло начаться совершение Божественных служб; посему сего священника-

инока преподобный чтил, как отца, и всячески упокоивал его.

Слух о новой обители преподобного Ферапонта стал быстро распространяться, и начали в нее во множестве стекаться как жаждущие иноческих трудов и святых подвигов, так и нуждающиеся в слове утешения и в молитве. Для тех и других потребовались новые помещения, и преподобный устроил новые здания – двухэтажные и даже трехэтажные. К внешнему благоустройству обители и к обеспечению иноков много способствовали различные приношения доброхотных дателей, из которых многие приносили восковые свечи и ладан, а некоторые жертвовали земли, леса и рыбные ловли. Но более всего к тому служили неусыпные труды братии под руководством и благословением самого преподобного, являвшего собой им высокий образец телесных трудов и духовных подвигов. Так он, выходя из кельи, всегда имел при себе топор или мотыгу и, усердно работая целые дни, нередко проводил и ночи без сна в работе. Этим увлекал к труду и всю братию, и труды сии были благополучны и благоуспешны. Равно, увлекаясь примером преподобного, братия усердно и неуклонно стекались в церковь Божию на церковное пение, совершали оное благочинно и благостройно, во

время сего пения стояли с великим вниманием и в глубоком молчании, не говоря друг с другом, но всегда имея пред очами своими Бога и в сердце страх Божий. Также и вне церкви: день и ночь поучались в заповедях Божиих, постоянно слыша от преподобного Ферапонта наставление для келейной и вообще монастырской жизни и указание на примеры первых подвижников и пустынников. Такими примерами главным образом он утешал братию в трудах и укреплял их пребывать в терпении и служить Богу с великим смирением и молчанием.

Слово его было весьма усладительно и растворено такой Божественной благодатию, что всякий, побывши у него и послушавши его, исполнялся особенным небесным утешением и, отходя в келью, с радостью и с новой силой, как бы вновь окрыленный, принимался за начатые святые подвиги. А слышать преподобного можно было всякому и всегда, ибо преподобный всех допускал к себе беспрепятственно и принимал каждого с любовью и заботливостью. За то каждый в нем видел себе отца и каждый любил его и чтил, как отца.

Он же и здесь, как в Симонове, сохранял в душе своей и в словах и поступках глубочайшее смирение. Так, он, видя возрастание и

благоустройство обители и радуясь душой о подвижнической жизни братии ее, все сие смиренно приписывал покровительству и благословению Пречистой Матери Божией и говорил: «Братие и отцы! Не я устроил это святое место, а Пречистая Богородица. Она может направить нас ко всему полезному и защитить нас от всех зол». Будучи также основателем и руководителем новой обители, он не принял на себя настоятельства над ней, а избрал особого игумена и первый повиновался ему во всем. Наконец, хотя сам был опытен в подвижнической монастырской жизни, но часто посещал своего спостника, преподобного Кирилла, и у него себе просил во всем совета и помощи. Даже и для обители своей принял такой же порядок церковного пения и образа жизни монашествующих, какой был введен преподобным Кириллом в своей обители.

В обители преподобного Ферапонта учреждена была первоначально общая трапеза, потом и полное общежитие. В сей обители, между прочим, не дозволялось братии иметь в кельях ни пищи, ни даже питья – этим могли пользоваться в трапезной комнате, и то в определенное время. В кельях были одни святые иконы и малое число книг, нужных для

келейного пения, а также некоторые орудия у тех, кто занимался каким-либо рукоделием.

Рукоделия же допускались только такие, которые служили для исправления нужд монастыря, и притом все сделанное каким-либо братом приносилось в общую монастырскую кладовую на пользу монастыря.

Братия новой обители, как и всякий вновь приступающий к какому-либо занятию, принимались за все монастырские труды с горячностью и полным усердием, стараясь превзойти друг друга в труде и усердии. Так, кроме церковного и келейного пения, общего и обязательного для всех, иные из них занимались писанием книг, другие учились читать книги, иные плели рыболовные сети, другие строили кельи, готовили и носили дрова в поварню, и в хлебную, и в трапезу, иные упражнялись приносом воды, другие приготовлением хлебов и кушаний. И вообще все, что нужно было для монастыря, изготовляемо было братией без помощи слуг и крестьян, ибо тогда еще в сей монастырь не проникали мирские обычаи и не было селений близко к монастырю. Несмотря на такое разнообразие занятий, братия соблюдали великую чистоту телесную и душевную; день и ночь, в безмолвии со смирением ради Бога

труждаясь, друг другу повинуюсь с любовью, непрестанно созидая в себе небесную обитель, горя духом, работая Богу, они, при великом воздержании, приобретали себе нищету духовную и в то же время богатели небесным богатством. Построение таких обителей, как Кириллова и Ферапонтова, не могло быть сокрыто от владетеля области Белозерской Можайского князя Андрея Димитриевича и даже не могло состояться без его согласия на то. Напротив, он, будучи человеком богобоязливым, весьма радовался появлению святых обителей в своей вотчине и считал сие для себя за особенное благословение Божие. Даже вскоре после основания Белозерских обителей возродилось у князя желание иметь подобную же обитель при княжеском его городе Можайске, но долго он не мог найти человека, который бы привел сие желание его в исполнение. Между тем охотно снабжал Белозерские обители из своей вотчины лугами, землей и лесом для потреб монастырских, озерами и реками для ловли рыбы; споспешествовал устройению храмов и посылал в них много милостыни.

Из двоих белозерских подвижников князю Андрею был более известен преподобный Кирилл; с ним он имел письменное общение и

получал от него писанные им послания и советы. Преподобный же Ферапонт был менее известен князю и, можно сказать, уклонялся от этой известности. Так, когда князь Андрей посылал в его монастырь великие подаяния с письменным повелением молить Бога и Пречистую Богородицу о здравии и спасении князя и семьи его, то преподобный Ферапонт тотчас принимал меры к совершению молений за князя, но не обращал внимания на присланные им подаяния.

Так протекло уже десять лет. Старец Ферапонт утешался своим уединением и безызвестностью своей для сильных мира, хотя вполне известна была слава его между смиренными тружениками и привлекала в его обитель множество жаждущих иноческого жития и пути спасительного. Так бы и окончилась подвижническая жизнь преподобного, да того только и желал преподобный, но не так предназначено было Подвигоположником Господом нашим Иисусом Христом.

Однажды новый наместник князя Можайского, осматривая Белозерскую область его, прибыл в обитель преподобного Ферапонта и, беседуя с преподобным о душевных слабостях и о телесных немощах, случающихся с людьми, живущими в занятиях мирских, услышал от

преподобного весьма разумный и обстоятельный ответ. Это удивило вельможу, а речь старца, тихая, усладительная, проникнутая умилением, обращение его, исполненное великого смирения, и самый вид лица его, дышащий кротостью и приветливостью, – все это так расположило вельможу в пользу преподобного Ферапонта, что он, усладившись беседой его, вполне возлюбил его. Боярин сей при первом свидании с князем Андреем подробно донес ему о всем, что узнал о преподобном и о благоустройстве обители его. Князь, слушая рассказ его, умилился душой и в радости воскликнул: «Господи Христе, Царю Человеколюбче! Слава Тебе, что даровал моей наследственной вотчине такого преподобного жителя!» И тогда же, посоветовавшись со своими боярами, решил исполнение пламенного желания своего относительно устройства святой обители близ Можайска вручить преподобному Ферапонту, как многоопытному и всеми чтимому старцу. Боярам своим заповедал князь хранить это решение до времени в тайне и сперва послал значительную милостыню в Ферапонтову обитель, а вслед за тем отправил нарочитого гонца с письмом к преподобному, умоляя его, чтобы он ради Бога не отказался исполнить его усердной просьбы, именно говорил: «По любви к Пречистой Богоматери не

оставь нас, отче святыи, побывай у нас Господа ради и благослови нас. Есть у меня до тебя великое дело, но сказать можно о нем только наедине».

Преподобный Ферапонт, получив послание князя, весьма устранился такого прошения и, прежде чем дать ответ на него, собрал на совет всю братию. Когда прочитано было перед нею писание князя, тогда преподобный сказал княжескому посланнику: «Мне, господин мой, нельзя удалиться отсюда, потому что Бог и Пречистая Богородица даровали мне сие уединенное место, согласное и с постоянным желанием моим, и с летами моими. Оставить его значило бы ослушаться воли Божией, и я страшусь Божия гнева за такой поступок. Притом же я – чернец необразованный и уже дряхлый, как ты и сам видишь, какое же дело до меня, убогого нищего, может иметь государь наш князь Андрей Димитриевич? Мы только и можем для него делать одно: молить о нем Бога; да и не монашеское дело – бродить среди мирских людей, давать им повод к осуждению и насмешкам. Нет, не могу выйти отсюда». Посланный же отвечал преподобному: «Мне повелено только одно: к светлому нашему князю никак не возвращаться одному без тебя, отче!» И, припавши к ногам преподобного, умолял его

и братию исполнить волю княжескую. Братия также стали говорить преподобному, что не годится послушанием оскорбить такого великомощного и высокого человека: он владетель земли, на которой дозволил устроиться святой обители, и он же призывает к себе не просто, а ради Бога.

Тогда преподобный, обливаясь слезами, отвечал им: «Воля Божия, и воля Пресвятой Богородицы, и ваша любовь да будут на мне, грешном» – и, вопреки своему желанию повинувшись их воле, поспешно собрался в путь. На другой же день, взяв с собой другого инока, отправился из монастыря, отпев молебен Спасу и Пречистой, давши наставление братии о сохранении благочиния в монастыре и прося молитв о благом успехе своего путешествия.

Великое расстояние между Белым озером и Можайском по пути, тогда не благоустроенному и опасному, преподобный, при помощи Божией, совершил благополучно, особенно для его лет. Это было в 1408 году, когда преподобному минул 71 год от роду.

Благочестивый князь Андрей, как и следовало, встретил преподобного с великой честью и весьма рад был прибытию его. «Бог и Пречистая

Богородица, – говорил он преподобному, – наградят тебя, отче честный, за любовь твою, которой ты нас удостоил, не отказавшись от столь трудного путешествия к нам. Господь изочтет шаги твои и воздаст тебе мзду, равную трудам твоим; я же остаюсь весьма великим должником перед святынею твоею». Князь угостил святого старца и дал ему удобное помещение близ себя.

Когда старец оправился от усталости, то князь часто беседовал с ним и особенно расспрашивал о благоустройстве Белозерской его обители. С каждой новой беседой князь более и более убеждался в глубоком смирении и великой духовной опытности преподобного, так что с радостью говорил о нем: «Сам своими очами удостоился видеть то, что рассказывали о преподобном».

Однажды среди такой сладкой для него беседы, князь спросил святого старца: «Знаешь ли, отче, на что я вызывал тебя?» Преподобный отвечал: «Государь! Один Бог знает сердца и помышления человеческие, а я, меньший из людей, неученый и грешный, как могу прозреть это?» «У меня, отче святой, – сказал князь, – есть одно желание: я тебе скажу, какое, если ты дашь мне слово исполнить мою просьбу».

Преподобный отвечал: «Что могу тебе, государь, даровать я, слабый и грешный чернец, не имеющий у себя ничего?»

Князь же, посадив его рядом с собой, начал его с великой любовью молить, чтобы он близ стольного его города Можайска устроил обитель для спасения иночествующих. Преподобный на сие отвечал ему с великим смирением, говоря: «Прости меня, Господа ради, государь мой! Кто я, что ты придумал возложить на меня начатие такого дела, о каком я недостоин и помышлять? Это, государь, дело Единого Бога и никак не по моим силам. Господа ради и ради Пречистой Богородицы отпусти меня в вотчину свою на Белоозеро. Там, государь, уже есть обитель, там я начал безмолвствовать, там церковь поставлена и уже живут братья, приходящие Бога ради, и Бога молят о вашем княжеском здравии, и там с ними буду молить у Бога милости и спасения тебе день и ночь до самой смерти моей».

Князь ему на это сказал: «Знал я, отче, знал я и прежде твою любовь ко мне и молитвы твои и обители твоей о нас и весьма благодарю Бога и Пречистую Богородицу за ваше доброе подвижничество. Но теперь, зревши тебя лицом к лицу, так возлюбил тебя, что для меня легче

лишиться всего имущества, чем расстаться с тобою прежде, нежели ты исполнишь то искреннее желание, из-за которого я и призвал тебя сюда. О монастыре Пречистой Богородицы, тобою начатом на Белом озере, Бог свидетель, попечение принимаю я на себя и буду доставлять ему все нужное для вещественного его благосостояния. И не только я сам, но и дети мои, сколько сил у нас будет, будем, ради милости Божией, заботиться о доме Пречистой Богородицы. Ты о нем не скорби, предоставь о нем заботу моей душе. Сам же ты – об этом только одном тебя прошу – ради любви Божией побудь с нами здесь, возмись исполнить единственное желание души моей, которое состоит в том, чтобы мне, при помощи Божией, воздвигнуть молитвами твоими дом для душ спасающихся, чтобы Господь Бог, ради их спасения, простил мне грехи души моей и чтобы твоими и их святыми молитвами избавил меня от вечной муки».

Преподобный снова усиленно просил князя отпустить его на Белоозеро, страшась взять на себя предлагаемое дело, и говорил: «Государь! Выше сил моих дело это, освободи меня от него Господа ради». Но, чем крепче отказывался преподобный, тем сильнее умолял его князь, так что преподобный Ферапонт не знал, что и

делать, особенно, с одной стороны, видя, что ему нельзя уйти от князя, находясь в его руках, а с другой стороны, видя непреклонное желание князя, и что не исполнить его значило бы оскорбить его, и это тогда, когда он умоляет именем Божиим. Обсудив все сие, преподобный сказал князю: «Воля Господня и Пречистой Богоматери да будет над нами!», по своему обычаю препоручая себя воле Божией и покровительству Матери Божией. Князь Андрей, услышав сие, весьма утешился, уразумев в сем согласии угодника Божия Божие благословение на его желаемое предприятие, и, воздав благодарение Богу и Пречистой Богородице, возблагодарил и преподобного старца за снисхождение к нему и за согласие исполнить желание его; тогда же предоставил на волю преподобного избрать место для поставления обители.

Преподобный, помолясь Богу и Пречистой, отправился в путь. Скоро обрел место более других удобное для устройства монастыря и красивое само по себе. Это место недалеко от города Можайска, не более версты, на горе над рекою, называемою Москвой. Местность сия представляла обширные луга и звалась Лужками. Князь Андрей и сам осмотрел избранное место, весьма одобрил его и

немедленно у святителя Московского испросил благословение на построение обители и святых храмов в ней.

Первое здание, им основанное в ней, была церковь, которую, по совету преподобного Ферапонта, устроил во имя Пречистой Богородицы, преславного Ее Рождества, подобно тому как устроена была преподобным в Белозерской обители. В то же время начал строить кельи для братии. Скоро создалась новая обитель усердием благочестивого князя, который не щадил казны своей на украшение ее храмов святыми иконами и церковными книгами и на благоустройство келий и самого монастыря; снабдил их всем потребным для них и обеспечил внешнее благосостояние дарованием земли, разных угодий и рыбных ловель.

Внутреннее благоустройство и благочиние монастыря князь предоставил опытности и молитвам преподобного Ферапонта, поставил его настоятелем сего монастыря и в благодарность за послушание и за исполнение пламенного желания его всячески старался упокоить и почтить, исполняя волю и желание святого старца без малейшего прекословия, и не только сам, но и благоверная княгиня его и дети их.

Они из уважения к преподобному для его утешения и для исполнения своего обещания много даровали вкладов и в первую его, Белозерскую обитель, грамотами утвердив за ней из своих вотчин много домов, пашен, озер и рек. Искренне любя новую обитель и ее основателя и желая возвысить ее перед другими, князь Андрей установил в ней сперва игуменство, а вскоре и архимандритство, и как сан игумена, так и сан первого архимандрита сей обители дарованы им преподобному Ферапонту.

Быстро возрастала новая обитель под покровительством боголюбивого князя и особенно под руководством святого подвижника, преподобного Ферапонта. Он и здесь не переставал трудиться как в церковном и келейном пении, так и в занятиях на потребу общемонастырскую, разделяя труды с братией и поощряя их на труды. Сей второй монастырь он устроил по правилам и обычаям первого своего, Белозерского монастыря; и преподобный, любя иноческую жизнь, всегда возносил сердечную горячую молитву к Богу и Пречистой Богородице о том, чтобы не запустили основанные им обители, но чтобы в них навсегда укреплялся чин монастырский по уставу отцов. Нередко проливал о них слезы и

часто говорил: «О, если бы Господь Бог и Пречистая Богородица призрели на места сии и если бы я, грешный, мог иметь о них хотя малое дерзновение пред Богом, а моя молитва о них имела хотя малейшее значение пред Ним!»

Из сих двух обителей для него более возбуждала забот и опасений обитель Белозерская. К ней устремлялись мысли его, в нее до конца своей жизни жаждал возвратиться святой ее основатель. Но Бог и Пречистая Матерь Божия, Которым он так искренно служил во всю жизнь свою, назначили ему быть видимым охранителем не Белозерской, а Лужецкой обители, и не только при жизни, но и по кончине своей.

В этой последней обители преподобный мирно провел остаток дней своих и, несмотря на окружавшее его уважение и попечение князя, вельмож его и братии, нимало не заботился ни о славе, ни о богатстве, но сохранил полное смирение и совершенную нищету духовную и стяжал совершенную чистоту сердца. Сему же постоянно поучал и новую братию свою, часто повторяя слова апостола: «Нощь убо прейде, а день приближися. Отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласования и

пиянствы, не любоддеянии и студоддеянии, не рвением и завистию; но облецытесе Господем нашим Иисус Христом, и плоти угодия не творите в похоти» (Рим. 13, 12–14).

Преподобный Ферапонт, оплакиваемый князем и семейством его, а наипаче собранными им учениками его тихо предал дух свой Богу в 27-й день мая 1426 года, на 90-м году от рождения, годом прежде друга своего, преподобного Кирилла Белозерского, подвизавшись в Лужецкой обители 18 лет. Святые мощи его почивают в сей обители под спудом в отдельной каменной церкви, которая первоначально была посвящена имени Иоанна Лествичника, а с 1720-х годов посвящена имени преподобного Ферапонта.

При жизни своей преподобный Ферапонт имел общение со многими лицами, прославленными Богом за святость жизни. Так, удостоивался беседы и благословения преподобного Сергия Радонежского и родственника его, святого Феодора, который был основателем Симонова монастыря. Преимущественно же много лет пользовался примерами, советами и дружбой преподобного Кирилла Белозерского, имев между учениками Кирилла настоятелем для своей Белозерской обители святого Мартиниана

и под конец жизни заслужив расположение святителя Фотия, митрополита Московского. По преставлении же своем не только ликует с ними и со всеми святыми на небесах, но и прославляется на земле. За святость жизни Церковь Православная Российская скоро преподобного Ферапонта причислила к лику святых своих молитвенников, и это было на Московском Соборе 1547 года, только и доселе он по первому месту подвигов своих именуется более Белозерским, чем Лужецким.

Древнейших записей и сказаний об отдельных чудесах преподобного не сохранилось, но уже явным чудом и Божественным благоволением к преподобному служит то, что обитель его Лужецкая и святые мощи сохранились доселе в течение 480 лет без потрясения и разрушений, несмотря на то что монастырь сей находился на пути врагов к Москве и много раз был в руках неприятелей: во время нашествия татар, литовцев, среди княжеских междоусобий, во время войны с Польшей и, наконец, во время нашествия французов в 1812 году. В сем последнем году монастырь сей был занят артиллерией неприятельской, а при уходе французов приготовлен был к разрушению посредством разложения в нем повсюду пороха. Но, несмотря на все сие, монастырь и в нем

святые храмы и святая рака мощей преподобного сохранились целы и невредимы молитвами и заступлением преподобного. В новейшее же время в Лужецком монастыре стали сохраняться записи о чудесах преподобного, так как лица, получившие помощь его, приносят вклады в монастырь сей и усердно чтут преподобного. Его заступлением освобождаются от нападений злых духов, от страстей и от обид человеческих, получают слепые прозрение, больные исцеление, младенцы укрепление, умопомраченные просветление, отстраняются бедствия засухи и наводнения и пагуба людей и скота. Хотя монастырь сей не отличается обилием средств и в настоящее время он один из скудных монастырей Московской епархии, но за то молитвами преподобного Ферапонта существует непрерывно со времени своего основания преподобным Ферапонтом.

Наконец, к явному заступничеству преподобного Ферапонта можно отнести и то, что окрестности монастыря его всегда и ныне исполнены населением православным, без примеси к ним неправомыслящих или заблуждающихся.

Господь наш Иисус Христос и Пречистая Мать Его молитвами святого угодника Ферапонта да сохранят обитель его и окрестности сей обители в православии и святости до скончания века.

